

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Полянина О.А.

Башкирский государственный университет, г. Уфа

На основе малоизученных архивных документов и опубликованных материалов в статье исследуются основные направления деятельности органов городского самоуправления Уфимской губернии по преодолению топливно-энергетического кризиса в период Первой мировой войны.

Неотъемлемой частью инфраструктуры современного города является топливно-энергетический комплекс, обеспечивающий бытовые и производственные нужды жителей. В городах Уфимской губернии отправной точкой на пути оформления ТЭК в самостоятельный сектор коммунальных услуг стал период Первой мировой войны, тяготы которого способствовали усилению патерналистского начала в деятельности муниципалитетов. До 1914 года проблема обеспечения горожан топливом фактически оставалась вне сферы интересов органов городского самоуправления. В городских управах даже не существовало соответствующих комиссий, в то время как вопросы водоснабжения обсуждались едва ли не на каждом заседании гласных. Такая расстановка приоритетов во многом определялась выгодным географическим положением городов Уфимского края.

Лесоматериалы занимали второе место (после хлеба) в грузообороте как на железнодорожной станции Уфа, так и на бельских пристанях губернского центра¹. Кроме этого, на окраинах Уфы сохранялась довольно обширная зеленая зона, вследствие чего даже малообеспеченные слои населения не испытывали нехватки дров. Уездные города, насчитывавшие к 1914 году от 6,5 тысяч человек населения в Белебее до 36 тысяч в Златоусте², тоже не ощущали топливного голода. Единственным исключением стал Стерлитамак, почти наполовину выгоревший во время пожара 3 сентября 1908 года. Восстанавливая свои дома, жители города быстро вырубали деревья в его окрестностях. После этого обеспокоенный сложившейся ситуацией городской голова К.Д. Ростовцев обратил внимание центральных властей на факты обнаружения в районе Стерлитамака нефтяных месторождений. По мысли Ростовцева, при развитии соответствующей инфраструктуры «город с его нефтяным богатством мог бы вскоре присвоить себе имя «второго Баку»³.

Однако на тот момент потребностям жителей Уфимской губернии вполне удовлетворяли несколько крупных компаний (во главе с Товариществом Бр. Нобель), которые поставляли нефтепродукты из района собственно Бакинских промыслов. Невысокие транспортные расходы делали мазут и керосин вполне доступными для предпринимателей, и к 1908-1909 годам на нефтяное топливо перешла часть уфимских заводов и даже некоторые типографии⁴. Пятеро самых крупных оптовых покупателей керосина, среди которых были и гласные Уфимской думы, приобретали в год 30-35 тысяч пудов. Из предприятий общегородского масштаба на мазуте работала уфимская городская электростанция, принадлежавшая на концессионных началах инженеру Н.В. Коншину. Поставки (в размере около 65 тысяч пудов в год) осуществлялись напрямую конторой Бр. Нобель⁵.

Роль органов городского самоуправления в области снабжения топливом сводилась только к закупкам дров для учебных заведений. Уездные городские управы приобретали также керосин для уличных фонарей. Все закупки велись на равных условиях с частными покупателями – по свободным рыночным ценам.

Объявление войны и даже начавшиеся осенью 1914 года перебои с дровами не внесли заметных корректив в такую политику. Во многом это было связано со спецификой дровяного кризиса, который, по сути, существовал не сам по себе, а как производная от двух других проблем военного времени: паралича железнодорожной сети и нехватки рабочих рук. Лишь когда городские деятели – вслед за земцами – осознали, что война «может продлиться шесть месяцев и даже год»⁶, был намечен план работ в топливной сфере.

В первую военную зиму главным направлением стала заготовка дров на городских лесных дачах. Уфимская городская дума, имевшая в своем распоряжении шесть лесных участков, организовала там планомерную вырубку деревьев, пожертвовав при этом планами на возобновление лесных ресурсов⁷. Оригинально решалась и проблема нехватки рабочих рук: уфимская управа одной из первых в России организовала трудовые бригады из гимназистов старших классов⁸.

С гораздо большими сложностями была сопряжена закупка дров у частных поставщиков. Привыкшим к постоянным финансовым трудностям гласным городских дум мешали даже не столько условия галопирующей инфляции, сколько открытое противодействие со стороны губернской администрации. Губернатор

П.П. Башилов, считавший, что с дороговизной предметов первой необходимости можно справиться административными мерами, одно за другим издавал распоряжения, устанавливающие твердые цены на топливо. Подобные рескрипты в определенной степени, конечно, учитывали рост цен, однако явно не успевали за его темпами. Достаточными механизмами принуждения губернские власти также не обладали. В результате торговцы придерживали свой товар, что стимулировало еще больший дефицит и, как следствие, – очередной скачок цен на черном рынке. Однако городские думы не имели права закупать дрова по цене выше установленной, и это при том, что на органы самоуправления была возложена дополнительная обязанность по обеспечению топливом расквартированных в городе войск⁹.

Оказавшись, таким образом, в патовой ситуации, гласные уфимской городской думы неоднократно обращали внимание П.П. Башилова на то, что «введение такс – очень упрощенный взгляд на вещи», поскольку инфляцию разогревали и расстройство транспорта, и нехватка рабочих рук, и спекулятивные настроения части торговцев¹⁰. Твердые цены, по мнению городских деятелей, оправдали бы себя только в том случае, если бы они были введены в масштабах всей империи¹¹, поскольку разноразмерные таксы, устанавливаемые в регионах, только стимулировали недобросовестное предпринимательство. Убедить губернскую администрацию не удалось, и уфимская управа приняла решение закупать дрова, «не считаясь с ценами» – то есть, действуя либо в обход, либо прямо в нарушение распоряжений Башилова¹². Закупки велись в основном при помощи займов, заключенных в различных частных и государственных учреждениях. Постоянно возрастающий авторитет Земско-Городского союза смягчал последствия такой «самодельности».

Схожие проблемы решали гласные Бирска и Стерлитамака¹³. Больше повезло Златоусту, который на правах центра горного округа был освобожден от постоя солдат и размещения беженцев¹⁴. Летом 1915 года Златоустовская дума, как и в предыдущие годы, вела активное строительство с использованием лесоматериалов¹⁵. В то же время, в Уфе и Стерлитамаке предпринимались беспрецедентные меры противопожарной безопасности для того, чтобы сохранить имеющиеся постройки. Так, переход уфимской пожарной команды в ведение городской управы позволил открыть в 1916 году дополнительную пожарную часть. Не имея воз-

возможности увеличить штат своих служащих, брандмейстер Макаров перевел команду на усиленный режим работы. Пожарным даже запрещалось принимать участие в «увеселениях», неуместных, по мнению брандмейстера, в столь трудное время...¹⁶

К третьей военной зиме, кроме решения так называемого «дровяного вопроса», гласные городских дум всерьез задумались о поиске альтернативных видов топлива. В июне 1916 года уфимские гласные положительно решили вопрос о возможности отопления водопровода углем. Однако запланированные на осень закупки у Челябинского углепромышленного акционерного общества сорвались из-за низкого качества угля, и Уфимская городская дума высказалась за отопление городских зданий и водопровода мазутом¹⁷. В пользу такого решения говорило прежде всего отсутствие проблем при транспортировке нефтепродуктов, поскольку она осуществлялась по воде и не была привязана к состоянию железных дорог. Учитывалась и экономичность мазута по сравнению с дровами или каменным углем. Повышение цен, проводимое нефтяными компаниями, городские и земские деятели предлагали нейтрализовать путем государственной монополизации нефтяной промышленности¹⁸. Воплощению замыслов помешало дальнейшее ухудшение политической и экономической ситуации.

Третью военную зиму уфимцам удалось пережить только благодаря тому, что городская управа взяла на себя снабжение дровами «всех отопительных квартир и половину нужд двухпечных – то есть наименее обеспеченных». Для полного учета потребностей этих слоев населения в июне 1916 года была проведена перепись, выявившая около 17000 квартир, жители которых нуждались в помощи. После расчета выяснилось, что 200 тысяч погонных сажень дров, необходимых городу на зиму, вместе со 120 тысячами сажень, полагавшихся расквартированным солдатам, обойдутся в 1,8 миллиона рублей. Годовой бюджет губернского центра едва достигал 1 миллиона рублей, поэтому закупки предлагалось вести на ссуду из казначейства. Дело осложнялось тем, что городская управа уже задерживала проценты по кредитам, взятым на приобретение топлива в Русском для внешней торговли банке¹⁹. Тем не менее, городскому голове А.И. Верниковскому удалось не только отсрочить эти выплаты, но и заключить новый заем.

Менее успешной была политика уфимской думы в области энергетики. К

досаде гласных, причиной кризиса городских электросетей стали не обстоятельства военного времени, а крупный просчет, совершенный управой еще в конце XIX века. В 1896 году она заключила подряд на устройство в Уфе электрического освещения с представителем фирм «Дюфлон и Константинович» (Санкт-Петербург) и «Сатте Харле и Кё» (Париж) инженером Николаем Владимировичем Коншиным. Губернская администрация обращала внимание гласных на то, что устройство предприятий общегородского значения путем концессии невыгодно для городов, но дума настояла на своем.

По договору Коншин был обязан построить электростанцию, обеспечивающую одновременную работу 12 тысяч лампочек в 16 свечей и 300 дуговых фонарей по 1200 свечей каждый. Город, со своей стороны, выделял Коншину бесплатное место под станцию, оплачивал установку и работу почти всех фонарей. Через 24 года станция переходила в собственность муниципалитета, но городское управление могло выкупить ее через 12 или 18 лет (исчисление срока концессии велось с 1 февраля 1898 года). Также подробно оговаривались технические параметры станции, правила установки и эксплуатации фонарей. За невыполнение условий договора или сбои в подаче электроэнергии Коншину грозил штраф, однако никаких реальных механизмов контроля за действиями инженера в договоре не предусматривалось²⁰. Судебное разбирательство могло состояться только после получения результатов экспертизы, проведенной высококвалифицированным электротехником. Таких специалистов в Уфе, естественно, не было. К тому же, на все время действия концессии Коншин оставался монополистом в своей отрасли. Осознание того, что заключенный договор в гораздо большей степени учитывает интересы Коншина, чем уфимцев, пришло к гласным уже в 1900 году, когда «потухание фонарей и освещения в домах и магазинах сделалось постоянным явлением»²¹.

В последующее десятилетие уфимская управа и рядовые граждане предпринимали попытки изменить ситуацию, но на пересмотр договора гласные решились только в 1913 году²². 1 февраля 1914 года Коншин получил официальное уведомление о предстоящей выкупной операции. По условиям соглашения фактический выкуп станции мог состояться не ранее, чем через 2 года, но теперь служащие городской управы получили возможность провести полный техниче-

ский осмотр Центральной станции и городских электросетей. В связи с хлопотами, вызванными началом войны, ревизия заняла половину 1914 и часть 1915 года.

Результаты оказались малоутешительными: мощность станции, хотя и увеличилась с 200 л.с. в 1897 г. до 935 л.с. в 1914 г., не была доведена до проектной. Напряжение в сети едва достигало половины той цифры, за которую уплачивали потребители. Оборудование станции, по выражению техника А.А. Гаврилова, было рассчитано «только на то, чтобы дотянуть до конца концессии»²³. Особое внимание уфимской управы привлек тот факт, что плата за электроэнергию (40 копеек за 1 кВт·ч) намного превышала стоимость подобной услуги в тех городах, где электростанции находились в ведении муниципальных властей²⁴. Поэтому, в соответствии с программой, разработанной для выхода из энергетического кризиса, в Уфе прежде всего предполагалось ввести гибкий тариф. Намечалась и капитальная реконструкция обветшавшей станции. Но городское управление вступило в заведование станцией только в феврале 1916 года, когда уже для всех гласных было очевидно, что «время для реформы выбрано неудачно»²⁵. Единственное, чего удалось добиться – это понизить тарифы таким образом, чтобы абоненты не ощутили на себе хотя бы бремя дополнительного налога, который был введен министерством финансов.

Другие города губернии от углубления энергетического кризиса, как ни парадоксально, спасло зачаточное состояние этой отрасли. Ни в одном из уездных центров городских электростанций не существовало, а земские проекты сооружений подобного рода начали реализовываться только в Златоусте. Поэтому для освещения улиц и домов в основном использовался керосин. За годы войны цены на него, естественно, выросли больше, чем в два раза, но поскольку дефицит керосина в Уфимской губернии был достаточно относительным, городские думы без труда обеспечивали им те немногие социокультурные учреждения, которые получали керосин и до войны.

Таким образом, в целом города Уфимской губернии в силу ряда причин начали испытывать энергетический голод задолго до начала Первой мировой. Исправить положение в условиях военного времени было практически невозможно, тем более что основные усилия гласных направлялись на решение новой для них проблемы – обеспечения горожан топливом. Гибкость, проявленная органами го-

родского самоуправления при выборе форм и методов работы, позволила не допустить разрастания топливного кризиса.

¹ Баев И.П. Экономические материалы к вопросу обхода г. Уфы проектируемой ж.-д. линией Оренбург – Уфа – Кунгур. Уфа, 1913. С. 18-25.

² Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1915. С. 7.

³ «Вдоль Великого Урала». Новая железнодорожная магистраль, связывающая кратчайшим путем Север – Юг Архангельск – Ташкент через Оренбург – Уфу – Пермь. Записка Уполномоченного г. Стерлитамака городского головы и гласного Уфимского губернского и Стерлитамакского уездного земств К.Д. Ростовцева. СПб, 1913. С. 19.

⁴ Список фабрик и заводов Российской Империи. Ч. 1-2. СПб, 1912. С. 132, 260, 287.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-312. Оп. 1. Д. 24. Л. 20-21; ЦГИА РБ. Ф. И-312. Оп. 1. Д. 18. Л. 13, 21.

⁶ Постановления Стерлитамакского уездного земского собрания 41-й чрезвычайной сессии 1914 года. Стерлитамак, 1914. С. 5; ЦГИА РБ. Ф. И-311. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-7.

⁷ Доклад Уфимской городской управы городской думе о современном состоянии земельных угодий гор. Уфы. Уфа, 1915. С. 2-10.

⁸ Школа и жизнь. 1916. №28. С. 6.

⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-3, 28, 40; ЦГИА РБ. Ф. И-311. Оп. 1. Д. 9. Л. 74.

¹⁰ ЦГАОО. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 412. Л. 1-3.

¹¹ ЦГИА РБ. Ф. И-311. Оп. 1. Д. 9. Л. 21-29.

¹² Там же. Л. 109-112, 123, 130.

¹³ ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1574. Л. 10.

¹⁴ Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания ХLI очередной сессии 1-21 декабря 1915 г. Уфа, 1916. С. 467-471.

¹⁵ ЗГАО. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 2, 6, 25; Ф. И-40. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-18; Ф. И-40. Оп. 1. Д. 4.

¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-387. Оп. 1. Д. 1. Л. 35, 37, 49, 91, 172.

¹⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 12. Л. 6-7; Ф. И-311. Оп. 1. Д. 9. Л. 140; Уфимские губернские ведомости. 1916. 18 июня. № 198. С. 3.

¹⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-311. Оп. 1. Д. 9. Л. 87, 21-29.

¹⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 12. Л. 64-65, 32-33; ЦГИА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 55. Л. 8, 9, 13, 20, 27, 35-36.

²⁰ Гаврилов А.А. Выкуп Городской Центральной станции Н.В. Коншина. Уфа, 1916. С. 1, 18.

²¹ Журналы Уфимской городской думы. 1900 год. Уфа, 1901. С. 248-250.

²² Журналы Уфимской городской думы. 1913 год. Уфа, 1916. С. 656.

²³ Гаврилов А.А. Указ. соч. С. 1-15, 27, 28.

²⁴ Городское дело. 1913. №1. С. 41-43.

²⁵ Гаврилов А.А. Указ. соч. С. 91-98.